Гранатовый остров

или живая пыль

повесть

Уважаемый читатель! Эта повесть не является автобиографической, но в неё вошли многие факты из жизни автора.

В. Эйснер

«Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх;

и дух животных сходит ли вниз, в землю?»

Экклезиаст 3, 21.

1. Большая потеря

В конце июня тёплый воздух с материка съел снег на льду между островами и вешние воды просочились в море. Лёд потемнел и поднялся, а в проливах архипелага пролегли неровные трещины, будто ребёнок карандашом бумагу исчеркал.

В Арктику на три месяца вернулся полярный день. Гуси и всякая прочая летающая живность уселись на гнёзда выпаривать птенцов, а моржи, лахтаки и нерпы стали выползать на камни: линька – дело серьёзное. В одну ясную солнечную ночь, при температуре плюс три, я выехал на припайный лёд на своём стареньком вездеходе ГАЗ-47.

Километрах в двадцати от зимовья лежала на камнях пачка крепко перетянутых проволокой досок, неведомо откуда занесённая течением и выброшенная на берег штормом. Их я собирался использовать для ремонта обветшавшей пристройки. Незаходящее солнце

низко стояло над миром, гусеницы весело лопотали в такт гудению мотора, видимость была прекрасная и я без труда лавировал на льду так, чтобы переезжать трещины под прямым углом.

Настроение было превосходным не только от прекрасной погоды. По льду то и дело перебегали с острова на остров небольшие группки диких оленей: добрая половина из них - важенки с телятами. Тогда я останавливался и брал в руки бинокль. И что за радость человеку смотреть как рядом с мамой семенит малыш! Вырос я в деревне, в большой семье. Мы кормили и поили ягнят, телят, козлят, поросят. Брали их на руки, играли с ними. Стерегли от коршуна пёстреньких цыплят, желтеньких пушистых утят и гусят. Разглядывая телят в бинокль, я мысленно возвращался в детство.

Но не проехал я и полпути, как невесть откуда стал натекать подкрашенный солнцем туман. Казалось, лёд выделяет из себя волокнистый оранжевый дым.

Сначала этот рыжий кисель стелился понизу, мешая разглядывать трещины, затем поднялся до уровня гусениц и, наконец, закрыл обзор.

Вот незадача!

Я сразу ошибся, въехал боком в небольшую трещину, карнизы которой тут же обломились и вездеход просел на один бок. Резко газанув, я вырвал машину из щели, но за эти несколько секунд холодный пот прошиб. Страха утонуть не было: в любом случае я успел бы выскочить, но потерять средство передвижения означало остаться без дров на зиму, а тогда хоть ложись и помирай!

Надо возвращаться. Арктика ошибок не прощает.

Я заглушил двигатель и вылез на крышу вездехода.

Кругом был вид как из иллюминатора самолёта: неровная облачная пелена, из которой тут и там торчали пики «гор» - скалы окрестных островов и рифов. Туман держался не выше двух метров над уровнем льда и едва покрывал машину, а в тундре его и вовсе не было. Моя изба на мысу хорошо просматривалась, я засёк направление, сел за рычаги и погрузился в красную мглу.

И опять ошибся. Вместо низкого берега подъехал к высокому. Впереди чернела большая береговая трещина – работа приливной волны. Такие трещины всегда опоясывают острова и

не замерзают даже в сильные морозы.

Я вышел, чтобы принять решение. Перепрыгнул через трещину, осмотрел её размытые, подтаявшие карнизы и прошёл вверх по склону на берег. Пожалуй, можно выехать, не так уж и круто как показалось.

Вездеход без проблем одолел разводье, лишь хрупнули карнизы, и стал выползать на береговой лёд. И тут мотору не хватило силёнок. С бензином у меня была напряжёнка. Я заводил двигатель на бензине, давал мотору прогреться и затем переключался на второй бак. Он был заправлен керосином, который мне иногда, от щедрот своих, сливали вертолётчики.

Мощность двигателя от керосина сильно слабела, и этого я не учёл.

На полдороге вверх мотор чихнул и заглох.

Я тут же завёл его снова, но гусеницы лишь беспомощно скребли лед, машина вздрогнула и, не успев полностью вытянуть своего полуторатонного тела из разлома, стала скользить назад...

Вода проникла через задний борт, ещё утяжеляя вес, нос вездехода резко задрался, затем так же резко ушёл вниз, вода хлынула в кабину и мотор заглох.

Я успел открыть дверцу-окно, выплыл, растолкал ледяные обломки и выполз на склон. Помогая себе ножом, - мокрые сапоги скользили на льду, - поднялся на берег и оглянулся.

Там где только что был вездеход, - работник мой и помощник, - расходились радужные пятна.

От великого горя я на какое-то время перестал соображать, даже дыхание пресеклось. Просто стоял и смотрел на эти масляные пятна и не знал, что делать. Наконец, от холода прилипшей к телу мокрой одежды пришёл в себя.

Хлопнул по нагрудному карману рубашки. Слава Богу! Залитый парафином аварийный коробок спичек и небольшой рулончик вымоченной в керосине бересты, туго замотанные в полиэтиленовую плёнку, были на месте.

Вскоре на берегу запылал костёр из плавника. Чайки с любопытством наблюдали, как вокруг огня скачет голый человек и сушит на вытянутых руках одежду.

Помаленьку я успокоился и стал настраиваться на серьёзное дело.

В вездеходе остались карабин и топор. Без карабина на побережье не выжить: ни мяса добыть, ни медведя отпугнуть. Без топора – как без рук.

Прошлым летом я заметил, что море вокруг островов повсюду мелкое, даже у скал оно не глубже пяти-шести метров. С этой глубины я шестом с железным крюком на конце доставал убитых тюленей.

Решив нырять, я первым делом пошёл разыскивать камень с выемкой, чтобы набрать в него чистой талой воды и поставить у костра, а потом, после ныряния, промыть глаза теплой пресной водой. Мне уже приходилось нырять за упущенным рюкзаком с патронами. Температура замерзания морской воды - минус один и восемь, если открывать под водой глаза, они потом долго болят.

Найти такой «природный» камень не удалось. Тогда я взял в руки крупную гальку, отбил от скалы пластину матово-чёрного сланца величиной с большую миску и стал выдалбливать в ней ямку. Древний этот шифер легко крошился и расслаивался, из самой середины «миски» вдруг отделился большой кусок и на разломе заблестели крупные тёмно-красные гранаты-альмандины. Я уже знал от геологов, что кристаллы эти на «ювелирку» не годятся, потому что их разорвала и усеяла микротрещинами мерзлота, но выглядели эти восьмигранники очень свежо и так ясно и радостно отражали свет, будто благодарили человека за освобождение от многомиллионнолетнего заключения в скале.

Я невольно залюбовался, хоть и было не до этого. Наполнив выемку талой водой, поставил этот каменный сосуд у костра.

Нарубил ножом ступеней во льду и спустился к месту аварии.

И тут увидел, что трещина, размытая поверху, сужается книзу и вездеход не ушёл на дно, а застрял. До верха кузова было меньше метра воды!

Я опоясался ремнём, прицепил к нему нож, и первым делом попрыгал на кузове – крепко ли заклинило? Вода едва доходила до колен, а вездеход даже не шелохнулся. Тогда я нырнул, разрезал тент, открыл оба люка на крыше кабины и левую, не придавленную льдом дверцу-окно. Если вездеход всё же сорвётся, у меня останется шанс выплыть через любое из отверстий, только бы машина не стала кувыркаться на склоне.

Из опыта вольных и невольных купаний в водах Арктики я знал, что дышать надо полной грудью. Ледяная вода в первый момент обжигает. Но стоит пару раз сильно вдохнуть-выдохнуть и кожа становится красной, как у гуся лапы, а по телу разливается жар.

В несколько приёмов я достал карабин, бинокль, ящик с ключами, топор, лом и моток верёвки. Вещи крайне необходимые в хозяйстве. Верёвка тут же пригодилась: расхрабрившись, я вытащил подарок Ивана Демидова – танковый аккумулятор весом в шестьдесят килограммов.

Зимой привезу его на саночках – будет рация жить, будет свет в избушке!

Я промыл глаза чистой «гранатовой» водой, и грелся у костра, пока не прошёл озноб от нервов и холода, а затем ещё раз подержал над огнём высушенную ранее одежду.

Всё не так уж плохо. Могло быть хуже.

«Две радости в один день не живут», говорит пословица.

А тут аж три:

Живой.

Карабин при мне.

Аккумулятор вытащил.

И главная радость — надеть всё сухое и тёплое, намотать на посиневшие ноги мягкие портянки, обуться в горячие от костра сапоги, почувствовать ступнёй сухие упругие стельки и осознать, что не простудился!

Туман разошёлся, опять всплыли на горизонте миражи дальних островов и стало пригревать солнышко, а я всё сидел и смотрел на угли, не в силах встать и уйти.

И вдруг услышал плеск и бульканье в трещине.

Спустился.

Из-под воды выпрыгивали мелкие льдинки, в трещине клубилась муть и расползались масляные пятна. Вездеход затонул.

И тут, как обожгло: ведь даже не поблагодарил Господа за спасение своё! Вся эта игра в открывание люков была не чем иным как попыткой успокоить себя, настроиться на ныряние в ледяную воду в закрытом пространстве. Если бы машина сорвалась во время моего пребывания в ней, то как бы она ни упала на дно: кувырком ли, боком, скоком, - не знаю, удалось бы мне невредимому выбраться на поверхность.

А я не то что спасибо сказать Создателю - даже не вспомнил о Нём.

Мне стало очень совестно, я тут же сложил руки на груди в молитвенном жесте и прочитал вслух «Отче Наш» сначала на немецком языке, как мама научила в детстве, а затем и на русском.

И сердце успокоилось, и тяжесть ушла из груди.

Подняв голову, я увидел метрах в тридцати от себя медведицу с медвежонком. Костёр почти потух и не давал дыма, иначе «босые» не подошли бы так близко.

Я крикнул и бросил камень. Звери поспешно скрылись среди валунов, а я подновил костёр и уселся рядом.

«Зачем ты сюда приехал, парень? - подумалось мне. – Зачем тебе эта безлюдная черно-белая Арктика, исхлёстанные штормами скалы, одиночество и риск? Зачем?»

И стал вспоминать.

2. На острове

Первые свои два года в Арктике я отработал на метеостанции «Мыс Лаптева», (топонимика повести и многие имена собственные изменены) в Карском море, на семьдесят восьмом градусе северной широты.

Это на тысячу километров севернее г. Дудинки на Енисее и на тысячу триста км. севернее посёлка Уэллен на мысе Дежнёва на Чукотке.

Полярная ночь на этой широте длится четыре месяца, плюсовые температуры держатся

два месяца, мелкая «гусиная» травка растёт только в устьях бесчисленных ручьёв и речушек, а в тундре - лишь бурый мох на глине да лишайники чёрной плесенью на камнях.

Там я пристрастился к охоте, но редко выходил в тундру без фотоаппарата. Если бы не белые медведи, которые имеют обыкновение появляться неожиданно и не всегда убегают от выстрелов и крика, я бы, наверное, и ружьё с собой не брал, а лишь малокалиберку: ружьё тяжёлое и ходить мешает.

По окончании действия договора я перешёл работать охотником- промысловиком на Диксонский рыбозавод, и мне выделили «точку» на острове Братском в полутора часах лёту к северу от Диксона. Там я попал в медвежье царство и за два года настолько привык к этим дивным зверям, что почти перестал обращать на них внимание.

Говорю «почти», потому что без оружия всё равно нельзя выйти из зимовья. У каждого медведя свой характер и, если один стремглав убегает от звука человеческого голоса, то другой лишь подойдёт поближе: «А что это там такое кричит и руками машет?»

Прибыл я на зимовку в начале июля. Припай, береговой лёд, ещё стоял в проливах по шхерам, и от обилия лежащих на льду тюленей казалось будто по серому полотну чёрный горох рассыпан. В это время работники диксонской гидробазы летали по островам готовить маяки к навигации и по пути забросили на точку и меня. Подобное практиковалось: таким макаром рыбозавод экономил денежки.

«Борт» улетел. Я перенёс вещи в пристройку. Но дверь из пристройки в жилое помещение открыть не смог. Стёкла в обоих окнах были выбиты, о чём меня заранее предупредили знакомые пилоты, и я без труда сначала заглянул, а затем и влез внутрь избы.

Зимовьё было до половины забито синим крупитчатым фирном, потолок провис, а на стенах пузырилась скользкая от плесени фанера.

Первым движением души было бежать отсюда, и бежать поскорей. Но гул вертолёта давно затих вдали. Когда-то будет следующий борт?

Сначала я топором вырубил лёд около печки - нехитрого сооружения из бочки с пристроенным к ней дымоходом из кирпича - набрал мелкого плавника на берегу и развел огонь.

На второй день я принялся стеклить окна. Стекло и стеклорез у меня были с собой. И

тут я обратил внимание на сидящую в переплёте рамы крупную дробь. В этом безлюдном месте кто-то развлекался стрельбой по окнам...

Обходя дом по периметру, чуть не наступил на куропатку. Она сидела на гнезде и вспорхнула буквально из под ног. Тут же стала волочить крыло, как раненая, и в то же время потихоньку- помаленьку убегать от гнезда.

Но я был уже знаком с этой птичьей уловкой и за курочкой не побежал.

В гнезде было двенадцать розоватых с коричневыми крапинками яиц. Просто удивительно, как такая маленькая, величиной с голубя, птичка может накрыть своим телом, обогреть и выпарить такую большую кладку!

Воткнув возле гнезда щепку, чтобы случайно не наступить на него, я минут через десять осторожно высунулся из-за угла: куропатка уже сидела на краю гнезда и трогала яйца клювом, как будто считала их, проверяя все ли на месте. На самом же деле она просто переворачивала подостывшие яйца на другой бок. Я тут же отошёл, чтобы вторично не спугнуть птицу и не заставить её бросить гнездо.

В этот же день криком и выстрелами из своей старенькой одностволки 16 калибра (карабина ещё не было) я отогнал медведицу с медвежонком, а затем такое стало привычным делом.

Через неделю растаял лёд в зимовье, но я продолжал беспрерывно топить печь, чтобы до конца просушить избу, уничтожить плесень и тундровую сырость.

Дрова собирал на «пляже», где лежало много плавника. От мелких палок, обломков досок и громадных брёвен, принесенных Енисеем, до рулончиков крепко скрученной волнами бересты.

Эти лёгкие колечки выкинуло штормовыми ветрами далеко за линию прибоя, я собирал их прямо на моховом покрывале тундры и однажды у меня из под пальцев шустро побежали во все стороны маленькие жёлтые букашки.

Не букашки конечно, а птенцы куропатки, только что вылупившиеся из яиц, едва обсохшие, величиной с грецкий орех.

Я накрыл одного беглеца ладонью и стал высматривать других, но тех и след простыл!

Наконец, внимательно разглядывая мох и камешки, я заметил ещё с пяток птенчиков. Они лежали неподвижно, совершенно сливаясь с окружающей тундрой и заметить их можно было лишь по блеску испуганных глазёнок.

Подивившись совершенному камуфляжу этих маленьких жителей тундры, я поднёс куропачёнка близко к лицу и стал его рассматривать-любоваться, как мы делали в детстве, играя с цыплятками.

Малыш вдруг отчаянно запищал, и сразу же к руке моей, тревожно квохтая, подбежала мама-куропатка. Я накрыл её левой ладонью, выпустил птенца и схватил куропатку обеими руками.

- Ну что, дура, попалась? Сейчас тебя съем!

Птица тяжело дышала раскрытым клювом, толчки её сердца отдавались в ладонь.

И вдруг от ближней кочки послышалось нервное:

- Тре-е, тре-е, треее!

Это закричал не замеченный мной ранее куропач. Все цыплята, я насчитал десять пёстрых «орешков», как по команде вскочили и бросились бежать к петуху. «Папа» стал, низко пригибаясь, бегом-бегом удаляться от опасного места, а малышата - веером за ним!

У меня чуть слёзы не потекли.

Что же это? Куропатка сознательно далась в руки врагу, жертвуя жизнью, чтобы спасти детей? Так правы ли мы, считая, что у птиц нет разума, а лишь инстинкты?

Конечно, я не собирался убивать куропатку, а только рассмотреть её хорошенько вблизи, но тут устыдился и отпустил птицу.

Она быстро догнала своих, и всё семейство скрылось в лощине.

Этот случай напомнил мне детство, когда я, пятиклассник, помогал маме делать грядки в огороде.

Нечаянно разрезав лопатой червяка, я потом уже намеренно разрезал пополам обе половинки и стоял, смотрел как эти четвертушки извиваются и корчатся на влажной почве.

И тут мама крепко стеганула меня вицей по мягкому месту.

- Ты зачем над животным издеваешься?

- Я нечаянно!

- Неправда! Я видела! Сперва нечаянно, а потом уже нарочно разрезал!

- Это же просто червяк!

- И червяку больно! Смотри, как он корчится! А ты такой большой, а маленькое существо убил!

- Не убил. Учительница сказала, что из каждой половинки новый червяк вырастёт!

- Это из половинки. А четвертинки погибают. Больше так не делай!

Последовала целая лекция о том, что червяки - очень полезные существа – дырочки в земле делают, чтобы растения дышали, и что Господь ничего не создал напрасно, а каждой твари на свете дал своё назначение и свой смысл. И хотя главным надо всеми животными Он поставил человека и разрешил человеку есть мясо и носить шкуры, убивать животных зря – это грех. А издеваться над животными – грех ещё больший.

- Кто в детстве мучает кошек и собак и убивает птичек, тот станет грубым и жестоким и может дойти до убийства. Ты что, хочешь негодяем вырасти?

Нет, таковым я стать не хотел, и урок этот запомнил на всю жизнь.

А теперь часто думаю: если бы матери Гитлера, Сталина и других извергов рода человеческого стегали бы своих отпрысков вицей по заднице и читали наставления из Закона Божьего, то те не стали бы убийцами миллионов.

Проводив взглядом «чужую» куропачью семью, я сразу же заспешил домой к «своей» куропатке. Наверное, и у неё уже начали вылупляться птенцы. За этим процессом, знакомым мне по куриным гнёздам в пристройке нашего дома в деревне, очень интересно наблюдать.

Но нет. «Моя» куропатка всё ещё плотно сидела на гнезде и не шевельнулась, когда я подошёл вплотную. Она лишь склонила голову набок, как это делают куры, когда следят за

коршуном и, как мне показалось, посмотрела на меня с явным укором. Будь у неё пальчики на концах крыльев, она бы несомненно покрутила ими у виска: «Зачем ты, человек, мешаешь мне делать самое важное в моей жизни дело?»

Я устыдился и отошёл, но от намерения своего, засечь момент вылупления птенцов из яиц, не отказался. Наблюдать за курочкой из окна не было возможности: гнездо находилось на глухой стороне дома.

Тогда я стал раз за разом, через каждые два-три часа, выглядывать из-за угла, но каждый раз натыкался на «укоризненный» взгляд птицы: как ни осторожно я передвигался, она слышала меня и поворачивала голову в мою сторону.

Выглянув в очередной раз я увидел следующее: зажав в клюве яйцо, куропатка убегала прочь. Рядом с ней семенил не замеченный мною ранее крупный куропач. Он тоже держал в клюве яйцо. А гнездо... А гнездо было пустым!

Птицы исчезли за большой кочкой метрах в тридцати от дома. Очевидно, они сделали там второе гнездо, чтобы избавиться от назойливого наблюдателя и без помех помочь потомству появиться на свет.

У меня хватило ума не пойти на розыски и оставить птичью семью в покое.

Обладая только пилой-ножовкой, я не мог управиться с большими брёвнами, поэтому собирал на пляже мелочёвку, колол, рубил, пилил - готовил запас на зиму.

Постепенно я собрал все дрова поблизости и стал уходить всё дальше от зимовья. Осмелев, и ружьё перестал брать с собой: мешает.

И вот однажды, с невысокого берега, увидел лежащую на песке у моря медведицу с медвежатами.

Медвежата были ростом с небольшую собаку, гонялись друг за другом по пляжу, лазили по медведице, теребили её за уши и кувыркались на маминой спине.

Засмотревшись на семейную «илидию», я сделал неосторожное движение ногой - песок и камни посыпались вниз. Медведица мгновенно вскочила, повернулась на шум и в меня

уставились жёлтые звериные глаза.

Я привычно дёрнул плечом, чтобы снять ружьё, и сердце замерло: поленился взять!

На загривке медведицы дыбом поднялась шерсть, прижались короткие круглые уши и она стал приседать, готовясь к прыжку.

Я продолжал стоять без движения и смотреть зверю в глаза.

Прошло с полминуты. Медведица опустила голову, рыкнула на медвежат и семейка потрусила прочь по усыпанному чёрным базальтовым песком пляжу.

Я снял руку с рукояти ножа и вытер шапкой разом вспотевшее лицо: тяжело в деревне без нагана!

В тот вечер чай был особенно вкусным, а мир за окном новым и удивительным.

Но недолго размышлял я о превратностях судьбы на зимовке в шхерах Санина, где за три года до этого погиб мой предшественник, а все пред-предшественники или пропадали без вести или как можно быстрее «делали ноги».

Краем глаза я заметил мелькнувшую в западном окне тень.

«Ещё один!» - подумал я с огорчением, и не ошибся.

Большой медведь подошёл к южному окну, куда и я, размечтавшись, уставился, и принялся смотреть внутрь зимовья. Меня он вряд ли увидел, я сидел, не шевелясь. Но зато мишка узрел своё отражение в стекле и принялся давить на него носом, возможно, хотел обнюхать «второго медведя».

Недолго виднелся приплюснутый к окну черно-розовый нос. Стекло дзынькнуло и посыпалось, а медведь отскочил.

Я очень огорчился: запасных стёкол не было.

Медведь был крупный, поэтому я «постеснялся» выходить на улицу, а лишь приоткрыл дверь и обругал его из пристройки:

- Ты чё хулиганишь, с-собака? Не видишь - тут люди живут!

Топтыгин понюхал воздух, критически меня осмотрел и стал подбираться ближе, очевидно, чтобы объяснить разницу между собакой и медведем. Под ноги зверю полетел кусок нерпичьего жира, и пока медведь обнюхивал угощение и раздумывал, с чего или с кого начать, я влепил ему в зад порцию мелкой «куропачьей» дроби, тут же захлопнул дверь, накинул крючок и стал смотреть в окно.

И капельки крови не выступило на желтоватом медвежьем меху. Но шкуру дробь всё же прокусила. Мишка рыкнул, цапнул себя за больное место и потрусил на берег моря, где уже были забереги, уселся в воду и стал крутить задом, охлаждая «укушенное» место.

Затем вскинул голову вверх и завыл по-волчьи:

- У-у-у!

И я завыл в ответ:

- А мне, думаешь, не у-у-у? Мне ещё хуже у-у-у! Где я в тундре стекло возьму-у-у? Как зиму переживу-у-у-у? Если опять придёшь – убью-у-у!

Мишка посидел, посидел в море, потом, сообразив, что солёная вода лишь пуще рану жжёт, перебрался в ручей.

Побултыхался там и пошёл восвояси.

Целых стёкол у меня больше не было. Разбитое окно я застеклил кусочками, а стыки замазал разогретой древесной смолой.

3. Каждый зверь на особицу

Так и пошло. Медведей я или угощал порцией мелкой дроби, или отпугивал факелом – насаженным на длинную палку и обмакнутым в солярку рулоном бересты. И очень я радовался одной важной особенности белого медведя: раненый он всегда убегает. Бурый медведь агрессивней и на «шутку» с дробью ответил бы иначе.

Потом я посчитал патроны и ужаснулся: их почти не осталось. Зря повыпулял, лишь

оленя убил и нескольких нерп.

Медведи же были как на подбор – мелочёвка позапрошлого «года выпуска». Двухгодовалые пестуны.

Мама-медведица водит - «пестует» - медвежат два года. А потом ей приходит пора спариваться и она ищет самца. Большой же медведь непременно убьёт или покалечит «конкурентов», поэтому медведица прогоняет своих уже вполне взрослых медвежат.

Учитесь жить сами!

Но пестуны ещё не умеют толком охотиться. Летом они бродят вдоль берега моря, подбирая выброшенных штормом медуз, моллюсков и морскую капусту. Когда повезёт, на труп моржа, белухи или нерпы наткнутся.

И уж тогда – пир горой!

Эти «подростки» забредают на территории полярных станций, военных баз и охотничьих зимовий, сразу всё обнюхивают, осматривают и учиняют ревизию в мусорной куче.

Один такой тощий и вечно голодный пестун с неделю «ошивался» на моей помойке. Сначала он убегал от крика. Потом «обнаглел» и стоило ему увидеть меня с ведром в руке, как он прибегал и тут же набрасывался на выброшенные обрезки мяса, кости и жилы.

А затем стал подбегать ближе и шипеть на меня (медведи шипят как гуси, только громче). Кончилось тем, что он, в нетерпении, ударом лапы выбил у меня из рук ведро. Я разозлился и стрельнул в него дробью.

Смотрю – ноги волочит. Оказалось, по ошибке выстрелил картечью и перебил ему позвоночник.

Зверя я добил и отведал медвежатины. Не фонтан... Есть можно, но рыбный дух отшибает аппетит. Варишь мясо, а получается уха с густым неприятным запахом ворвани.

Разделывая медведя, невольно обращаешь внимание: он не белый, а чёрный! Шерсть на спине и брюхе не очень длинная и не очень густая, остевые и направляющие волосы довольно толстые и грубые, раздвинешь волосы – мелкая жёсткая, очень плотная подпушь, а

кожа матово-чёрная, как базальт.

Длинные и волнистые волосы только на лапах.

Потом я прочитал в специальной литературе, что жёлтый цвет полярного медведя (Ursus maritimus) обусловлен питанием. Основу его меню составляют тюлени. Желтоватый пигмент из тюленьего жира проникает в волосы, окрашивая их в светло-соломенный цвет.

Мне приходилось видеть медведей сразу после полярной ночи, тогда они вообще грязно-жёлтого цвета. Потом на ярком арктическом солнце волосы выгорают, но даже долго провисевшие на солнце медвежьи шкуры никогда не становятся снежно-белыми, а всегда сохраняют тёплый желтоватый оттенок.

И самое удивительное в этом животном – его волосы.

Они пустотелые.

Внутри каждой волосинки проходит тончайший, наполненный воздухом канал. Такие волосы – не только отличный изолятор, они как волоконная оптика, проводят свет к чёрной медвежьей шкуре. Полярный медведь «греется» под лучами луны и звёзд!

Любое животное излучает тепло. Белый медведь – нет!

На инфракрасных снимках белых мишек не видно. Они просто не «проявляются».

Лишь на приборах с большим разрешением можно различить непокрытую шерстью «пипку» носа и облачко от дыхания.

Считается, что полярные и бурые медведи имели общих предков. Разделились эти две ветви порядка ста пятидесяти тысяч лет назад, но при скрещивании рождают вполне жизнеспособное потомство.

И вот подумалось мне: по теории эволюции сначала должен был появиться один медведь с пустотелыми волосами и потом передать эти свойства потомкам. Но что послужило толчком к этому?

Как они появились, эти волосы? Все сразу или по одному?

А чёрная, вбирающая в себя малейшее тепло, шкура?

А способность нырять и подолгу быть в ледяной воде?

А способность переносить морозы до минус восьмидесяти?

А способность **месяцами** голодать без вреда для здоровья?

А плоть медвежья? Любое мясо тонет в воде. Медвежье – нет.

Полярный медведь – «лёгкий». Иногда моряки видят этих зверей плывущими в море за десятки километров от берега.

Слишком много вопросов, и я не знаю, можно ли на них ответить с точки зрения теории эволюции.

По мне – полярного медведя сотворил Создатель всего сущего. Сотворил сразу со всеми присущими ему особенностями, необходимыми для выживания в высоких широтах, и не забыл наделить его защитой от ультрафиолета: человек на снегу в Арктике, даже при пасмурном небе, моментально обжигает себе слизистую глаз и заболевает снежной слепотой.

Жители Арктики ранее закрывали глаза дощечками с узкими прорезями, ныне они носят тёмные очки. Медведям такие очки ни к чему.

На берегу я обнаружил несколько вбитых штормами в песок бочек с соляровым маслом. Это отличное топливо. Я очень обрадовался, стал переливать солярку в вёдра и наполнять две бочки в пристройке. Случайно обнаружилось, что, попадая в глаза, солярка сильно жжёт.

Откуда взялась на острове соляровое масло, я расскажу потом.

Чтобы сэкономить патроны, я стал плескать медведям в морду соляркой. К этому времени припай оторвало, лёд из бухты вынесло и чуть ли не каждый день шелоник (западный ветер) пригонял к берегу льдины с медвежьим «десантом» на них.

Я вырезал люк в крыше пристройки и сколотил лестницу. Завидев медведя, я набирал с полведра солярки, вылезал на крышу и приманивал-подразнивал медведя куском нерпятины. Как только он, осмелев, подходил ближе, я выплёскивал ему в морду солярку.

Средство действует безотказно: медведь сразу же убегает, трясёт головой и подолгу трёт морду о тундровый мох, или же бросается в воду промыть глаза.

Просушив избу, я принялся за ремонт путиков – охотничьих троп, вдоль которых стоят капканы на песца. Возвращался донельзя усталый: тундра летом – болото. Нога уходит в мох, как в батут, почти не встречая сопротивления, через несколько часов устаёшь так, будто сто километров прошагал. Быстренько чем-нибудь перекусив, я закрывал избу на засов и ложился спать.

Спал так крепко, что однажды не услышал шума вертолёта под окном. Знакомые пилоты сбросили мне резиновую лодку и полмешка муки и улетели, решив, что хозяина нет дома.

Как-то, в моё отсутствие, медведь разломал деревянную бочку с привадой, нарубленной на куски нерпятиной, и всё сожрал. Остаться на зиму без привады - значит остаться без добычи и без заработка.

Я вставил маленькую бочку в большую, сложил приваду в маленькую и обе бочки тщательно закатал: двойную не разломают.

Но разломали и двойную.

Ладушки!

Я вскрыл топором двухсотлитровую бочку из-под солярки, а недорубленную крышку отогнул, как у консервной банки. Сложил приваду в бочку, вдавил крышку на место и загнул края кувалдой.

Ну-ка, теперь попробуйте!

Несколько дней над островом стоял туман. Однажды, будучи далеко от избы на ремонте путиков по маленьким островкам, я заблудился в тумане, три дня не мог выйти к избе, сильно устал, промок и перенервничал и с тех пор в «туманы мои растуманы» предпочитал сидеть дома.

Подул хиус - злой северный ветер. Туман разошёлся, и я увидел пестуна у бочки с

привадой. Бочку он сбросил на берег моря и катал её по песку туда-сюда, пробуя зубами и когтями открыть крышку и раздобыть вкуснятину.

Ну-ну. Пробуй, миша, пробуй!

Я пил чай и смотрел в окно, как в телевизор.

Вскоре это кино надоело, и я занялся домашними делами. Но мишка ещё и сутки спустя всё так же катал бочку по песку, правда уже с перекурами.

Затем пришёл медведь постарше и пестуна прогнал.

И с тем же азартом стал катать и царапать бочку.

И с тем же успехом.

Потом пришёл медведь покрупнее и прогнал второго.

И стал катать бочку.

Так и пошло. Сколько медведей сменилось на вахте у бочки не помню: я перекрывал крышу на пристройке и время от времени лишь поругивал для порядку очередного «каталу» или швырял в него обломком гнилой доски.

Но где-то через неделю пришёл умный медведь.

Стояла прекрасная солнечная погода. И было тепло: плюс двенадцать. Аж комары зазвенели.

Бочка ощутимо нагрелась на солнце и нерпичий жир внутри неё стал плавиться. Медведь выкатил её на камни разрезом книзу. Жир стал вытекать сквозь щели, и медведь слизывал его с камней!

Я стал кричать и швырять в него камни. Но этот экземпляр оказался не робкого десятка. Он сразу же прыгнул навстречу, остановился метрах в шести-семи от меня и зашипел: я мол, сильнее, и всё тут моё!

Вот с-собака!

Ну, погоди же!

Я укрепил факел на длинном шесте. Подождал, пока он хорошенько разгорится, и сунул горящую бересту прямо нахалу в морду.

Медведь убежал, а я тут же закопал бочку на две трети в песок.

А южный ветер всё дул, всё наносил запахи леса и цветущих трав, всё напоминал о родительском доме.

Температура воздуха всё повышалась и вскоре достигла немыслимых в Арктике плюс 28 Цельсия! Антициклон развивался так стремительно и давление росло так быстро, что трещало в ушах и приходилось сглатывать как при взлёте самолёта. Я разделся до рубашки и отправился на лодке к скалистому островку километрах в семи на юг от зимовья, чтобы и там приготовить путик к зиме. Мотор заводить не стал, а сел за вёсла, радуясь тому, что слышно, как вода стекает с весел и пролетает чайка над головой.

Ни ветерка, ни ряби на море - зеркало.

Толкнёшься вёслами - и лодка сминает воду, как утюг сукно.

Синее небо над синим морем и ты посредине в рубахе синей.

На чёрной лодке с жёлтыми вёслами.

Береговая линия как ножом обрезана, чайки как снег на стекле, воздух как мёд.

И вспомнилось: Всевышний. Мироздание. Вечность.

Боже Великий! Благодарю Тебя, что подарил мне этот мир!

Заякорив лодку на берегу островка, я не стал подниматься наверх к ловушкам, а снял сапоги и зашлёпал босиком по кромке моря, пропуская между пальцев ног чёрный базальтовый песок.

Хрустящий, горячий как в Крыму.

Сантиметров на десять вода прогрелась и была ласковая, а шагнёшь глубже — мурашки

по коже!

С высокого берега то и дело с шумом срывались и обрушивались вниз целые пласты белёсой глины. Мерзлота стремительно таяла, на ходу меняя облик острова. Лишь рваные зубчатые края его базальтовой основы мокро блестели под солнцем, да молодо-зелено цвёл мох на камнях.

На почти вертикальной береговой стене я увидел лодку. Она была буквально вбита в расщелину скалы, на высоте пяти метров.

Осторожно ступая по шатким камням, я поднялся к судну и осмотрел его. Это была корабельная шлюпка, сшитая коваными медными гвоздями с большими плоскими шляпками. И борт, и дно её были проломлены острыми гребнями базальтовой скалы, краска с бортов давно осыпалась, обшивка обветшала.

С виду очень старое судёнышко, может сто, может двести лет тут лежит. Каков же был ураган, если шлюпку бросило на скалы с такой силой, что её заклинило в трещине? А что стало с парусником, «отцом» шлюпки?

Удалось ли экипажу спастись и добраться до ближайшего жилья, рыбацкого становища в устье Пясины?

Я похлопал шлюпку по крутому боку. Старые доски печально зазвенели. Так вот почему скрипки делают из старого дерева, - оно ждёт человека и откликается на движение руки!

Прислонившись к лодке плечом, я долго смотрел в даль.

Разве бывают ураганы в этой тихой ласковой бухте?

Разве уходит на три месяца солнце?

Разве стоит тут долгая жестокая зима и бродят медведи?

Нет, никогда!

Поднявшись высоко на берег, откуда открывался великолепный вид на море и овальные гальки островов на горизонте, я решил разложить здесь костёр и пообедать.

Но только ступил на край обрыва, как земля под ногами просела, ухнула вниз, и - голова

ноги!- через пару секунд я, крепко приложившись затылком о камень, уже лежал на берегу засыпанный лёссом, с грязью во рту и носу, лишь глаза успел закрыть.

Откопав голову левой рукой, я прокашлялся и убедился, что дышу без проблем. Правая рука была придавлена, но не болела, я подёргался, не смог её освободить, но почему-то не испугался, а продолжал лежать и смотреть в небо.

Странное чувство овладело мной.

Будто я часть этого берега, а рядом извергается вулкан. Будто тело моё растеклось по неостывшему базальту и распалось на частицы. Будто каждая крупинка сохранила индивидуальность, память и жажду жизни.

И стал я как пчелиный рой в небе.

И увидел сверху оленьи стада, бесчисленные стаи гусей и уток, пыхтящих в бухте китов и бродящих по берегу медведей.

И по частице от меня поместилось в облаках, ручьях и озёрах, в деревьях, избушках и лодках, в каждом шмеле, в каждом медведе и волке, в гусях, утках, и чайках, в оленях, тюленях и зайцах, в китах, моржах и лососях.

И самая большая моя частица летела вверх, всё летела вверх, прямо из глаз моих летела вверх, как чайка Джонатан Ливингстон.

И зазвенел в подсознании негромкий голос Николая Рубцова:

«С каждой избою и тучею,

С громом, готовым упасть,

Чувствую саму жгучую,

Самую смертную связь.»

Не успел я до конца осознать эти накрепко запавшие в память строчки, как вдруг увидел самого себя в виде рыбака на маленькой лодочке изо всех сил гребущего к берегу, и грозный прибойный вал, встающий за спиной.

Опасность! «Пчелиный рой» мигом соединился в один ком, и это отдалось болью в

затылке.

Я пришёл в себя, помаленьку перевернулся на правый бок и столкнул с правой руки большой плоский обломок скалы.

Поднялся, ощупал себя, осмотрелся.

Всё в порядке. Только шишка на затылке, да правый рукав разорван и липкий.

Снял рубаху. На руке была содрана кожа и от кисти до локтя ролегла глубокая царапина. Кровь бойко капала на чёрный песок.

И пусть.

Пусть останется частица моя на этом берегу.

На небе появились перистые облака с ярко выраженными «когтями», cirrus uncinus, - признак обширного тёплого фронта. По морю прошла рябь, и тёплый ветер пахнул в лицо смоляным запахом тайги, лежащей в тысяче километрах к югу.

Пока такие львиные лапы украшают небо, будет хорошая погода. Ещё есть часов пять-шесть в запасе, но пора делать ноги: наступающий холодный воздух уже загнул назад когти тёплого фронта, и с севера надвигается на «унцинусы» серый облачный кисель.

Я вернулся к лодке, разделся, искупался в море, и смыл с себя соль в ручейке на берегу. Там же постирал исподнее, а верхнюю одежду выбил о край лодки.

Хорошо нагишом у тёплого моря!

Хорошо рвать зубами упрррругое вяленое мясо, заедать его чёрррствой лепёшкой и запивать водой из ррручья!

Хорошо смотреть, как неспешно приближается важенка с телёнком, как останавливается в десяти шагах от лодки, медленно, крупными глотками пьёт морскую воду и капли капают с её коричневых губ, а телёнок толкает мамку под бок и припадает к вымени.

Хорошо сознавать, что руки не тянутся за карабином, хотя он так и прыгает на носу лодки, а лишь тихонько хлопают в ладоши, и этого достаточно, чтобы звери, вскинулись и убежали.

Хорошо грести домой по свежей волне и чувствовать как холодает, но сознавать, что успеешь до шторма и будешь смотреть на бешеное море из окна избушки.

Хорошо видеть в каждом ручье то оленью голову с крупными вызревшими пантами, то кудлатую, криворогую голову овцебыка, то горбоносую медвежью морду, и две мордочки: медведицу с детишками на жёлтой её спине. Жарко: крупный тундровый народ охлаждает телеса в ручьях, песцы, совсем по-собачьи вывалив языки, вытянулись на влажной глине в тени валунов, а куропатки, будто куры в малиннике, прячутся среди камней на берегу и тяжело дышат раскрытыми красными клювами. Лишь волков не видать: этот зверь избегает человека.

- Ну, что, земляки! - крикнешь тундровому «крупняку» с лодки, - всего-то двадцать восемь, и уже полезли пузА охлаждать? А я в сауне на стольник больше нагоняю и ничё! Приходите в гости, попаримся!

Но «земляки» пристыженно молчат. Вскочить и удрать по такой жере им лень. Они лишь внимательно провожают глазами лодку: возьмёшь ты в руки карабин или только пукалку-ракетницу?

А ни то, ни другое. Не совсем же совесть потерял.

И ты не рррычи там, мишка, не шшшипи, я знаю, что ты малограмотный, что из всего алфавита ты только буквы «р» и «ш» выучил, но любишь хвастать перед соплеменниками и, если найдёшь наберегу спасательный круг, долго, по складам, читаешь «текст» на нём, в изумлении водя туда-сюда горбоносой башкой, затем вешаешь круг на шею и идёшь показать свою учёность любимой «женщине».

Хорошо без приключений прибыть домой, выпить чаю и завалиться спать, а утром выйти в промозглый туман к ручью за водой, сознавая, что лето прошло, что в этом году уже не подарит тебе Арктика тёплого денька, но вчерашний, единственный и неповторимый, навсегда останется в памяти.

И вааще, жить — хорошо!

На второй год моего пребывания на острове - я уже вполне обжился, сдал за первый год шестьдесят шкурок песца и одну волчью - и начальство не то чтоб зауважало, но всё же им

был заказан «родной» борт. На этом вертолёте нас троих, самых северных и, следовательно, самых «дорогих» охотников, забросили по точкам в середине июля после весенней путины.

Мне разрешили взять 400 кг груза. Половина из них приходилась на бочку с бензином для лодочного мотора и паяльной лампы.

Остальное – мука, чай, сахар и прочая мелочь.

Продукты я перетащил в пристройку, и однажды, уходя по делам, забыл закрыть дверь на крючок.

Вернувшись, я с огорчением увидел открытую дверь и услышал шум в пристройке. Решив, что это песцы хулиганят, я прихватил палку с улицы и шагнул за порог.

Небольшой пестун, весь обсыпанный мукой и сахаром, ринулся мне навстречу, целя в дверной проём. Пытаясь отскочить в сторону, я поскользнулся и упал. Жёлтое брюхо медведя мелькнуло надо мной.

Меня долго била нервная дрожь: испугался и разозлился. Что стоило медведю разорвать человеку горло или ударом лапы разбить ему голову?

Мешки с сахаром и мукой были распороты, а содержимое частично съедено, частично рассыпано и втоптано в опилки на полу.

Но больше всего пострадала сгущёнка. Лишь две банки из сорока я нашел закатившимися в угол.

Как я потом установил, мишка открывал сгущёнку вовсе не зубами. Очевидно, он при первых попытках порезался и придумал другой способ:

Банки он давил на чурбане для колки дров, а содержимое слизывал.

Расплющенные пятаки банок я выбросил на помойку. Лишь на некоторых виднелись следы зубов.

Или такой случай.

Старые охотники посоветовали мне раскладывать приваду и по закрытым летом

капканам. Особенно вдоль берега и у песцовых норилищ. Молодые песцы привыкают к виду и запаху железа и потом, в сезон, легко попадают в уже настороженные капканы.

Однажды я убил нерпу. Быстренько снял шкуру, вырезал печёнку и побежал домой готовить жаркое.

Свежая нерпичья печень – вкуснятина и вовсе не пахнет ворванью.

Тушу я оставил на берегу, чтобы потом разрубить на куски и раскидать по капканам.

Отлично позавтракав, я взял ведро и топор и отправился к месту добычи.

И тут мимо меня, чуть ли не у самых ног, пробежал песец-щенок в своей первой серенькой шубке. Бежит и оглядывается испуганно. Меня и не заметил! Я удивился: что такое? Летом волки возле избы не появлялись, а медведей песцы не боятся.

И только подойдя к нерпе вплотную, понял в чём дело. Мою законную добычу пожирал небольшой медведь. Не пестун, постарше.

Мишка прибыл морем: со шкуры ещё стекала вода. Очевидно, он и шуганул песца, первым обнаружившего свежину.

Я заорал на медведя. Но тот и ухом не повёл. Даже оглянуться не удосужился. Тогда я влепил ему в мягкое место заряд мелкой дроби.

Это помогло: бросился в море, отплыл чуток, вылез на льдину и стал нюхать ветер с моей стороны и весьма пристально меня рассматривать.

Я же продолжал грозить кулаком и во всю силу лёгких пользоваться специальной лексикой, утверждая, что воровать нехорошо.

Но мишка или плохо понимал по-русски или шумящее существо не внушало ему уважения.

Неожиданно он бросился в море и поплыл прямо на меня.

Как только его лапы коснулись гравия, я выстрелил ему в морду.

Красные точки проявились на горбатом мишкином носу, глаза, к счастью, не пострадали.

Медведь стремглав повернул назад, отплыл подальше, вылез на большой торос и стал прохаживаться по нему взад и вперёд, тряся башкой и громким рыком выражая своё возмущение.

Я нарубил полное ведро нерпятины и пошел вдоль берега раскладывать приваду по капканам. Медведя я из виду не выпускал.

И что же?

Как только я отошёл с полкилометра, медведь опять бросился в воду и поплыл к нерпичьей туше.

Я зарядил ружьё пулей и побежал. Но мишка успел раньше. Схватил остатки туши в зубы, отплыл на свой торос, в сотне метров от берега, и принялся не спеша пожирать мою собственность, морда бессовестная!

Что мне оставалось делать? Я лишь рассмеялся: что живо, то и хитро. А потом и подивился медвежьему уму: он отпустил врага подальше, высчитал, что я не успею ему помешать, и претворил свой план в действие.

Вот и говори после этого, что у животных нет ума, а лишь инстинкты!

Лишь однажды медведь побежал прямо на меня и не остановился на выстрел из ракетницы, хотя горящий комок заряда закрутился в снегу рядом с ним.

Я припал на колено и с расстояния в десять метров выстрелил ему в голову. И промахнулся. Свинцовый кончик тяжёлой пули оставил синюю черту между коротких ушей.

Медведь стал тормозить, вытянув вперёд лапы и припав на зад.

Вторая пуля попала ему в горло.

Когда успокоилось дыхание, я медленно подошёл. Это был небольшой, чуть крупнее пестуна, самец. Наверное, трёхгодовалый. И очень худой: кожа и кости. Жёлтые глаза его уже остыли, но крупные квадратные лапы всё ещё бежали, чёрные когти, длиной с мой палец, всё ещё скребли лёд.

А меня скребла совесть. Зря убил. Струсил. Мишка уже понял свою оплошность и стал

отворачивать. В нападении не зверь был виноват - человек.

Я только что добыл нерпу, освежевал её, снял шкуру, сложил её конвертиком и спрятал в рюкзак, а печень, самую вкуснятину, понёс домой на палочке, не хотелось рюкзак пачкать.

Этот запах и учуял голодный мишка, а голод сильнее осторожности.

4. Об острове и соседях

Здесь пора сделать отступление и рассказать об острове Братском и моих соседях, а то у читателя сложится мнение, что я только и делал, что воевал с медведями.

На самом деле медведи приходили не чаще двух-трёх раз в неделю. Эти звери не любят крика, шума и запаха дыма. Большинство убегают, едва завидев человека, или почуяв дым. А крупных зверей я и сам обходил стороной.

Не боятся людей только куропатки, маленькие кулички и непуганые северные олени. Олени, завидев человека, подбегают метров на сто и начинают усиленно нюхать воздух, пытаясь взять запах. Если это стразу не удаётся, то олени делают круг, пока не окажутся с подветренной стороны. И лишь почуяв незнакомый запах, медленно, беспрестанно останавливаясь и оглядываясь, убегают.

Но зато пуганый олень стремглав убегает, едва увидев или почуяв человека.

Идёшь по тундре и - спасайся кто может! - утки, гуси, кулики, пуночки, трясогузки и чайки, не мешкая, встают на крыло. Волки, олени, песцы и медведи «делают ноги». Нерпы, моржи, лахтаки отплывают подальше от берега.

И порой стыдно за свою принадлежность к роду человеческому: все боятся тебя, как разбойника. Впрочем, разбойник и есть...

Итак, соседи.

В восьми километрах на юг от острова Братский, прямо напротив зимовья возвышались

антенны воинской части.

«ПВО-шники» стояли там уже лет десять и обстоятельно обосновались.

Недели через три после того, как я «заехал» на остров, просушил избу и отремонтировал ближний путик, я пошёл в гости к «воякам». Хоть и люблю одиночество, но тут заскучал по человеческой речи.

Лёд в проливе уже был усеян многочисленными трещинами, но через все разводья ещё можно было перепрыгнуть. Часа через два я вышел на берег полуострова Санина, где располагалась эта военная часть и оглянулся.

Маленьким чёрным кубиком под бесконечным небом виднелась избушка на острове Братском. И такой печалью и одиночеством веяло от зимовья даже на расстоянии, что я затосковал, вспомнил «материк», родных и друзей. Детей своих маленьких. Жену свою бывшую...

Кто из моих знакомых не покрутил бы пальцем у виска узнав, что я ушёл работать охотником на дальние острова?

А здесь возвышались высоченные антенны, крутились круглые уши локатора и кивал радар высотомера. Я стряхнул хандру и пошёл навстречу людям.

Меня хорошо приняли, со всеми перезнакомили, а в обратный путь насовали полный рюкзак продуктов. Даже неудобно стало.

«Вояки» мне потом много помогли. Когда пролив замёрз, я часто ходил к ним в баню. Туда шёл на свет прожекторов, а вот назад уходил в темень и не раз ориентировался по Полярной звезде. По маленькой звёздочке слева от неё.

Часто я охотился вместе с военными на оленя и однажды от ротного старшины, Александра Гончара, узнал причину гибели моего предшественника.

Оказалось, в свой последний день он был здесь в гостях. Крепко выпили, и Гончар с моим предшественником отправились на моторной лодке назад, на остров Братский.

Поднялся ветер, заштормило. У самого берега лодку подняло прибойной волной и бросило на камни. Оба человека вылетели из лодки.

Гончар выплыл и вылез на берег. Охотника же ударило головой о камень. Насмерть...

«А в прошлую навигацию, - продолжил свой рассказ старшина, - так же поднялся ветер, и понтон с соляровым маслом, перевернулся. Бочки раскидало волнами по всем островам на 30 километров вокруг. Собирай – не хочу!»

Пора рассказать об острове Братском.

Он состоит из двух неравных половинок и похож на цифру «8» по которой проехали трактором. Сильно изрезанная береговая линия изобилует скалистыми бухтами и бухточками, которые с западной стороны забиты плавником.

Когда смотришь с вертолёта на сотни тысяч могучих толстых брёвен из разбитых и вынесённых северными реками в море плотов, раскиданных штормами по всему тысячекилометровому побережью от Диксона до мыса Лаптева, то ужасаешься безалаберности наших хозяйственников, не умеющих беречь великую народную ценность: лес.

Норвежцы построили на Шпицбергене целый комбинат по переработке нашей древесины из выловленных в море брёвен из Енисея, Оби и Печоры. В районе посёлка Диксон берега загромождены пятиметровыми валами брёвен, заготовленных, скажем, под Лесосибирском или на Ангаре.

Да что берега!

Дно диксонской бухты, по свидетельству водолазов, выстлано лиственничными брёвнами! А ведь лиственница не гниет, в морской воде только крепче становится и приобретает вид морёного дуба.

Вот и наладить бы добычу и переработку ценной, выдержанной временем и морем древесины.

Но кому это надо?

И на острове Братском столько «дров», что вполне можно было бы мебельную фабрику построить.

Ну, да ладно...

Я ведь о пионерах этих мест, братьях Андреевых, речь завел.

В 1930 году, когда началось освоение Арктики, на шхуне «Белуха» прибыла из Архангельска в шхеры Санина целая семья. Три брата: Кирил, Фёдор и Александр Андреевы. С ними жена старшего брата, Кирилла Григорьевича, Евгения Михайловна и сын их, Евгений.

Старшим братьям, Кириллу и Фёдору, было соответственно 24 и 22 года, младшему, Александру, - 13 лет.

Семью высадили на большом необитаемом острове.

В специальной литературе я прочитал, что «уже через два года», то есть, в 1932 году, братья Андреевы выстроили себе капитальную избу –зимовьё.

Что ж, выходит, они два года в палатке прожили? На морозе и бешеном ветру, имея в семье грудного ребёнка?

Скажи тому, кто не знает Фому...

Совершенно очевидно, что и дом был в разобранном виде привезён на шхуне и здесь быстренько поставлен при помощи матросов команды корабля.

На это указывает то, что изба была сложена из капитальных сосновых брёвен. В те времена ещё не было «лесоповального безобразия» на Енисее, а построить хороший дом из случайного и разнокалиберного плавника, который всегда есть на морских берегах, невозможно.

Дом, размерами шесть на четыре метра стоял у западной оконечности южной половинки острова, метрах в двадцати от берега моря.

Крыша была из уложенных в два ряда досок, и ко времени моего заезда уже обильно поросла мохом и чёрным лишайником.

Пристройка по площади была в два раза больше самой избы. К пристройке примыкала банька и катух для собак.

Изба была в плохом состоянии. Нижние три венца совершенно прохудились. В дерево можно было рукой гвоздь вдавить. Зимой она не держала тепла, и я до окон обкладывал избу снежными кирпичами, чтобы сэкономить на дровах.

На западном скалистом мысу, метрах в пятистах от избы, братья соорудили невысокий, метра в полтора, каменный гурий, вершину которого венчала пятиметровая деревянная пирамида с круглым деревянным знаком на ней.

Знак был диаметром с полметра и состоял из трёх крепких досточек, разделённых промежутками в три пальца.

На средней дощечке было аккуратно, красиво вырезано русской вязью: «Работали братья Андреевы из Шенкурска. 1932 г.»

И камни основания, и пирамида, и знак были покрыты коростой чёрных лишайников. Я попал на остров в 1983 году, значит, и знаку и дому было уже полвека.

Знак этот был заметен издали, не раз служил мне ориентиром, и не раз вспомнил я добрым словом пионеров Арктики - братьев Андреевых из Шенкурска.

Сколько лет они зимовали на острове, который впоследствии получил название «Братский», я не знаю.

Впоследствии изба сменила много хозяев. А временами подолгу стояла пустой. Частенько там гибли или пропадали без вести промысловики и место это пользовалось дурной славой.

Сам «мыс Братьев», как я про себя назвал западный мыс со знаком, примечателен ещё и тем, что его чёрные камни (возможно, шиферный сланец) покрыты тонкой белой или желтоватой коркой кварца или кварцита, а по этой корке сплошь растут тёмно-красные кристаллы, размером с пшеничное зерно и чуть больше.

На солнце эти кристаллы очень красиво выглядят. Я ножом отколупнул несколько штук, а дома вынул увеличительное стекло из фонарика и внимательно их рассмотрел. Это были непрозрачные восьмигранники то тёмно-красные, то коричневатые, то матово-чёрные.

Я когда-то учил минералогию и решил, что это гранаты.

Так потом и оказалось. Юрий Бурлаченко, мой знакомый геолог из Москвы, объяснил мне, что гранаты - это силикаты кальция и железа с разнообразными примесями, которые и придают им цвет. Гранаты бывают различного цвета от белого до чёрного. Не бывает только голубых.

Самые дорогие разновидности – это прозрачные кирпично-красные пиропы и зелёные демантоиды. «Мои» гранаты геолог определил как альмандины, подвергшиеся сильному воздействию выветривания: даже при лёгком нажатии на них они рассыпались на отдельные зёрна.

Я потом нашёл и крупные твёрдые альмандины. Но об этом речь впереди.

5. Истребитель, избушки и магнитная аномалия

Однажды на рыбозаводе ко мне подошел Александр Котляров - пожилой охотник. По добыче пушнины и рыбы он всегда был в передовиках.

Котляров несколько сторонился остальных промысловиков. В общих повальных пьянках в конце сезона, когда охотники съезжаются сдать пушнину, отовариться на год и просто обменяться новостями, он не участвовал и прослыл «интеллигентом».

Впрочем, он и был образованным человеком: мастером по наладке лифтов. Что подвинуло его оставить специальность и уйти работать в тундру, в многомесячное одиночество, непонятно.

Родом он был из Украины, но никогда не употреблял ни «ридну мову», ни сибирско-архангельский диалект, на котором говорят по «северам» России, а изъяснялся на правильном русском языке.

- Зачем на Братский заехал? - спросил он меня без обиняков.

- Направили, – несколько обескуражено ответил я.

- Два зимовья в южном кусте пустуют. Сказали тебе?

- Нет.

- Значит, для своих держат... Иди-ка, глянь! – он вынул из-за пазухи и расстелил на ящиках «лётчицкую» карту шхер Минина, выполненную со всеми подробностями, какие позволяет десятикилометровый масштаб.

- Видишь? - он ткнул пальцем в абрис острова Братский.

Весь остров был заштрихован красными линиями. Так обозначается магнитная аномалия. Сбоку стояла цифра 34 со знаком плюс.

- Сильная аномалия – плохо, разве не знаешь, метеоролог?

- Нет, нигде не читал про такое.

- Учёные доказали, что «неправильная намагниченность» влияет на сон и на способность правильно ориентироваться на местности. В тундре главное – быть в форме. Для этого нужно хорошо высыпаться и быстро соображать.

Я слегка разозлился и ответил, что ни на соображение, ни на здоровье не жалуюсь. Ориентиры, правда, терял. В тумане. Но покажите мне того, кто в тумане не блукал?

- И покажите мне *тех* учёных, Александр Григорьевич, а я покажу Вам *других,* утверждающих, что локальные магнитные аномалии – совершенно нормальное для планеты Земля явление. А будь оно по-другому, то и на животных бы влияло. Но на острове полно живности, в море – моржей и тюленей. Грех жаловаться.

Котляров окинул меня оценивающим взглядом и заявил уже совсем другим, «домашним» тоном:

- И всё же – нехорошее, неловкое место. Пока будешь там, будешь без заработка. Братья Андреевы хорошо заработали, потому что медведя били. Ещё не было запрета. А я там два года отбыл, как в тюрьме отсидел. Лишь тут, на Убойной (речка в 40 километрах к северу от Диксона) человеком стал.

- Как это «без заработка», Александр Григорьевич? Песец везде идёт.

- Идёт-то везде, но один раз в четыре года. Всё остальное время рыбачим. А в шхеры рыба не заходит. Нету там рядом крупных нерестовых речек.

- Почему это раз в четыре года?

- Цикл такой у животного. От лемминга зависит. Раз в три-четыре года в тундре этого мыш**а** много. Песец жировать приходит из разных мест. Потом мыши то ли вымирают, то ли убегают, песец тоже уходит и тундра пустая, как консервная банка! Напарника нашёл?

- Нет, я люблю один.

И опять Котляров внимательно на меня посмотрел.

- Правильно! Одному лучше. Чтоб два мужика надолго ужились под одной крышей – это редкость. До обиды доходит, до мордобоя. Родные братья за карабины хватаются! Да ещё потом друг о друге слухи пускают: плохой, дурной, ленивый. Тьфу, слушать тошно! Я тоже один на Убойной. И многие так. А будет начальство тебе совать людей, абы кого не бери, узнай сначала: кто, да что, где раньше был, что делать умеет, надёжный ли.

В общем, мы тогда основательно поговорили. Я решил на будущее лето перебраться рыбачить на Пясину, где стояли большие рыболовецкие артели. Так делали многие охотники с «нерыбных» точек, и начальство, которому нужен был план по рыбе, такие временные переезды поощряло.

Александр Григорьевич объяснил мне немало охотничьих уловок и хитростей. Показал на карте, где на острове Братском «родильные дома» медведиц и другие опасные места, и мы, вполне довольные друг другом, разошлись.

Но вернёмся к моему первому году на острове.

Избу я просушил. Ближние путики наладил. Дров наготовил.

Постепенно я стал уходить всё дальше от зимовья и по два три дня не бывал дома. Отдыхать я непременно выходил к морю: в тундровых лайдах (заболоченных низинах) сплошь мокреть, присесть не на что. Спал тоже на морском берегу, укрывшись куском старого мягкого брезента и положив под руку ружьё.

Сначала я разводил на месте ночёвки костёр и «растягивал» его на длину тела. Подождав, пока песок хорошо просушится и прогреется, я сдвигал горящие головни в ноги

и устраивал там нодью - «долгоиграющий» костёр из двух брёвен. На горячий песок я укладывал подобранные на берегу обломки досок. На доски стелил плёнку из «поленоэтилена», на плёнку – рогожный мешок, в изголовье - рюкзак. Постель готова. Спится на ней, как дома на печи, а сторожит дым!

На песчаном берегу в пятнадцати километрах на восток от избы, я обнаружил балок. Он был размерами примерно два на три метра, с большим тамбуром, просторной лежанкой внутри и соляровой печкой-капельницей.

Рядом было пресное озерцо, а на нём плавала небольшая лодочка!

Я закинул в лодку камень на бечёвке и подтянул её к берегу. Судёнышко было сделано из бочковой жести набитой на деревянный каркас и надёжно проклёпанной на стыках.

И лодка, и балок были, несомненно, делом рук моего предшественника. Когда речь заходила об этом погибшем в прибойной волне человеке, коллеги никогда не называли его по имени а всегда по кличке: Хо-Ши-Мин. По рассказам охотников, был этот Хо-Ши-Мин мужчиной среднего роста, большой физической силы и мастером на все руки. В чём я и убедился, рассматривая крепко сложенный балок и надёжную лодочку. Но не дано человеку знать свою судьбу. Думал ли этот охотник, что суждено ему погибнуть в холодных волнах Карского моря?

Недалеко от этой промысловки, на скалистом берегу в трёх метрах от моря, лежал (наверное, и сейчас ещё лежит) обгорелый остов небольшого самолёта, очевидно, истребителя времён Второй мировой войны.

Самолёт врезался в щебень тундры под углом примерно в сорок градусов, но не взорвался: каркас его цел. В носовой части – следы сильного пожара. Обгорели даже камни. На них за все эти годы не то что моха, даже лишайника, не выросло.

Успел ли пилот выпрыгнуть из горящей машины? Смог ли он сообщить своим об аварии? Удалось ли ему пройти пятнадцать километров до зимовья?

В конце августа 1942 года «Адмирал Шеер», тяжёлый крейсер германской Кригсмарине,

обстрелял радиостанцию и посёлок на острове Диксон (там стоит памятник павшим в бою морякам советской береговой батареи) и в Карском море, в трёхстах километрах к северу от Диксона, потопил ледокольный пароход «Александр «Сибиряков».

Плававших в ледяной воде советских моряков капитан «Шеера», Вильгельм Меендсен-Болькен, приказал взять на борт. Из 104 человек экипажа «Сибирякова» спаслись и попали в плен 22 человека, в основном люди из единственной уцелевшей шлюпки, в том числе и раненый капитан парохода Анатолий Качарава.

Лишь кочегар Н. Вавилов смог забраться в опустевшую шлюпку и доплыть до о. Белуха, где и прожил (подумать только!) 36 дней, прежде чем был замечен и вывезен на самолёте полярным лётчиком И. Черевичным.

Капитан Качарава пережил унижения плена, после войны был удостоен многих правительственных наград, работал в советском торговом флоте и умер пенсионером в 1982 году.

«Адмирал Шеер» был торпедирован и потоплен англичанами в 1944 году. Большинство моряков крейсера погибли.

Не является ли обгоревший самолет на острове Братском свидетелем тех далёких и печальных событий?

Арктика хранит свои тайны...

Был чудный, теплый день середины августа. Я ночевал на берегу. Усталый, крепко заснул под шёпот волны и скольжение ветра. А проснулся внезапно, как будто в плечо толкнули. Я сразу нащупал ружьё и глянул на нодью в ногах.

Костёр ещё жил. Тишайший ветерок отклонял дым в сторону. В полуметре от тлеющих брёвен сидел небольшой медвежонок-пестун, нюхал дымок, вытянув чёрные губы трубочкой, и то правой, то левой лапой старался поймать живую синюю струйку.

Мордочка его имела совершенно собачье выражение величайшего любопытства, да ещё то так, то эдак склонит голову набок, почешет лапой жёлтое отвисшее брюхо и опять ловит дым.

Я в голос рассмеялся и медвежонок отпрыгнул в сторону. Но потом стал ловить воздух с подветренной от меня стороны и медленно подходить ближе с явным намерением потрогать странное существо лапой.

Я уже собрался было швырнуть в него головнёй, но тут из-за камней на берегу появилась медведица со вторым пестуном.

Почуяв дым, она тут же бросилась назад и прижалась боком к большому валуну. Шерсть на её загривке встала дыбом и она стала громко шипеть в мою сторону.

Стараясь не делать резких движений, я подтянул ружьё к плечу и взвёл курок.

Второй пестун прижался к боку медведицы и тоже зашипел.

Испуг передался и первому медвежонку. Он подбежал к медведице, получил от неё хорошего леща по заду и вся троица моментально скрылась.

Я сначала пожалел, что «кино» так быстро кончилось, но, поразмыслив, прочитал вслух «Отче Наш», как мама в детстве научила, и поблагодарил Господа. Не ангел ли хранитель разбудил меня толчком в плечо? Не он ли сдержал испуг и ярость медведицы, готовой броситься на защиту своего дитя?

А сколько раз до этого словно невидимая рука хранила меня от несчастий! Не пора ли перестать испытывать судьбу, вернуться на Диксон и устроиться работать по специальности?

Но, правду сказать, такое «упадническое» настроение владело мной недолго. Начался новый день с его работами и заботами, и уже через пару часов я вспоминал о своей минутной слабости с лёгким чувством стыда. Нет уж! Назвался груздём - полезай в кузов!

О чём я действительно «жалковал», так это об отсутствии фотоаппарата. Какие замечательные фото можно было бы сделать на радость детям!

6. Земляк и железный кулак

В двадцатых числах августа я сходил в гости к Владимиру Терещенко, моему южному соседу и земляку из Полтавского района Омской области.

Он стоял в устье реки Хутудабига, в сорока километрах к югу от меня.

Фьорд Хутуда – чрезвычайно рыбное место. И я, наконец, посмотрел, как работают настоящие рыбаки. В сезон, когда идёт рыба, это тяжкий, каждодневный, каторжный труд.

Рыбу надо выбрать из сетей и тут же «пошкерить» - выпотрошить. Это, пожалуй, самая тяжёлая и самая неприятная часть работы. Устал, не устал – делай, иначе улов пропадёт. Затем рыбу надо посолить, а очень крупные экземпляры ещё и разрезать вдоль хребта, не то не просолится. Затем уложить особым образом в специальные чаны для засолки. Через три-четыре дня надо рыбу из чанов вынуть, промыть в пресной воде и аккуратными рядами уложить в бочки.

Сделать тузлук (рассол) определённой стандартной плотности. (Владимир разводил соль в специальной ёмкости до тех пор, пока в рассоле на начинала плавать картофелина), этим рассолом залить бочку до краёв и закатать, тщательно обжав бочку обручами, чтоб без щелей, иначе рассол помаленьку вытечёт и вся адова работа пойдет насмарку.

Я с неделю пробыл у Володи в гостях. Помог ему маленько. Сам подучился. А на прощанье он отдал мне одну из своих старых деревянных лодок. С мотором. Мотор был на последнем издыхании, редуктор мотора - и того хуже. Запчастей уже не было, и ловкий рыбак при мне вырезал муфту-переходник от редуктора к гребному валу из каблука рыбацкого сапога.

- Владей, земляк, - сказал Володя и сделал щедрый жест рукой. - Чем 40 км по тундре пёхом париться, дак лучше на лодке. Должон двигун через месяц крякнуть, но тута и зима тебе, а тама и сам обзаведёсси.

Прав был мой мудрый сосед. Я без проблем проделал кружный стокилометровый путь домой, и «крякнул» двигун в аккурат через месяц, аккурат в последний день «навигации»: утром залив замёрз.

Я тоже крякнул с досады. Но и подивился силе предвидения моего земляка, прозревшего моторный кряк в грядущей мгле. Это ж надо: сквозь сталь видит, хохол сибирский!

Остаётся лишь добавить, что в последний день навигации я вернулся домой без штанов, да ещё и мотор отказал за три километра от зимовья. На воде уже собиралось ледяное «сало», а небо очистилось от облаков – к морозу. Я сел за вёсла и грёб так, что пар столбом: перспектива вмёрзнуть в лёд, означала верную смерть. Тяжёлая деревянная лодка легко продавливала тонкие листья ниласа, первого серого ледка, я без проблем пробился к берегу и примитивным воротом вытащил лодку на песок.

И свитер, и куртка стали мокрыми – хоть выжимай, по спине стекал горячий пот, а голые ноги посинели от холода, но в этот день я не простудился.

Штаны и сапоги мне пришлось волей случая оставить на полуострове Свиридова но об этом чуть ниже.

В конце августа к «воякам» подошёл снабженческий корабль. Между судном и берегом засновали катера. Началась выгрузка продуктов, топлива и всего необходимого на год.

Вскоре ротный старшина Гончар вместе с капитаном корабля прибыли ко мне в гости.

Выпили-закусили, и я попросил взять меня с собой на Диксон.

Капитан согласился.

На корабле я, к великой радости своей, увидел геолога Юрия Бурлаченко, поисковую группу которого капитан днём раньше подобрал на мысе Вильда, того самого геолога, который объяснил мне всё про гранаты, золото, пирит и сердолик, про извержённые, осадочные и метаморфические породы и очень расширил мой кругозор.

Обрадовались, обнялись, поговорили. Юрий в этом году работал старшим геологом небольшой разведывательной партии, искавшей оловянную руду - касситерит. Таковой не нашли, но неожиданно обнаружили титановую руду - ильменит и «кое-что ещё, о чём не говорят, о чём не учат в школе».

Дополнительно к тому, «о чём не говорят», нашли... метеорит!

- Это всё Леночка, лаборантка наша, она нашла, она и шлифанула прямо в походных условиях и протравила поверхность. Пойдём, покажу.

В тесной каюте за столом у небольшого походного микроскопа сидели огненно-рыжая девушка и здоровенный бородач в зелёной энцефалитке. При виде нас девушка приветливо улыбнулась, распахнув ярко-зелёные глаза. Веснушки на её переносице вспыхнули огоньками, она протянула мне тонкую, усыпанную веснушками руку:

- Лена.

- Сергей, - недовольно бурнул бородач. Очевидно мы внесли помеху в важный разговор, и он демонстративно не хотел этого скрывать.

Но Бурлаченко по-хозяйски расположился на стуле напротив девушки и взял со стола лупу:

- Леночка, дай-ка гостю космического бродягу посмотреть.

Лена открыла картонную коробку и обеими руками протянула мне невзрачный закопчёный камень величиной с мужской ботинок и такой же формы. Со стороны «шнурков» у «ботинка» был виден свежий разрез или распил, на тёмно-сером фоне которого выделялись светло-серые и почти белые пятна.

Я был разочарован внешним видом внеземного камня, но Юрий молча протянул мне восьмикратную лупу.

Под стеклом чётко обозначились многочисленные кругляши небольшого диаметра, как бы плававшие в тёмно-серой массе и застывшие, как мясо в холодце.

- Что это?

- Хондры, образования такие углеродистого или силикатного состава, круглые или овальные они, потому что в невесомости образовались. И очень давно-предавно: этому камешку порядка четырёх с половиной миллиардов лет. Он старше планеты нашей, по которой мы с тобой столько протопали.

- Ого! - я с уважением положил камень на стол. - Впечатляет!

- Конечно. Считается, что хондриты - самые древние метеориты, по возрасту близкие к возрасту Солнца. Из такого материала состояло протопланетное облако, из которого образовалась Солнечная система.

- Но ведь Солнце — звезда, а звёзды состоят из водорода и гелия.

- Так, но в глубине светил идут термоядерные реакции, и образуются тяжёлые элементы. Когда ядерное горючее выгорает, звезда охлаждается, «схлопывается» и взрывается, расшвыривая вокруг себя «пыль» из тяжёлых элементов. Эта пыль потом, под влиянием закона притяжения, склеивается в шарики-хондры, комки и глыбы, из которых потом образуются планеты, а на планетах - люди, животные и растения. Из остатков лёгких элементов вспыхивает потом и новое Солнце, или другая звезда притягивает эту пыль и всё начинается сначала.

- Значит, мы все, от камня и микроба до слона, состоим из вторичного вещества, из звёздной пыли, образовавшейся в недрах давно умершей звезды?

- Так точно, Ваше охотничье Благородие!

- Но ведь это противоречит Библии!

- Нисколько! Писание надо правильно понимать. Ты читал Книгу?

- Читал, но первую страничку не могу понять.

- А геологу всё ясно. Сказано же, что сначала сотворил Господь небо. Я так понимаю, что сотворил Он всю Вселенную со всеми звёздами и галактиками и сделал это методом большого взрыва около 14 миллиардов лет назад. А планетные системы при звёздах сотворил после того, как некоторые звёзды отжили своё. Нашей звёздно-планетной системе около пяти миллиардов лет, считают астрономы.

- Знаю, читал. Но ты, Юра, всё про миллиарды, миллиарды лет, а написано про шесть дней творения.

- Текст Книги Бытия — перевод с древнееврейского. В оригинале там стоит значок «йом», который читается, как «отрезок времени» или «определённый период». Для меня шесть дней творения - это шесть геологических периодов. Ведь Солнце и Луна поставлены Им лишь на четвёртый «день». То есть, дней, в сегодняшем понимании этого слова, в начале начал не было. Да и не могло быть, раз не было Солнца.

- Интересная точка зрения! Это ты сам придумал или читал где?

- Я был сомневающийся. И стал искать людей, знающих в этом вопросе больше меня. И нашёл таких и среди геологов, и среди священников. Будешь в Москве, сходи к священнику Александру Меню. Интересный человек.

Ещё долго мы говорили с Бурлаченко, вышагивая по палубе среди принайтованных бочек с горючим и пачек строевого леса.

Когда Юрий ушёл в свою каюту, я прошёл на корму судна и стал смотреть, как «волны бегут от винта за кормой и след их в дали пропадает».

Куда ни кинь - все мы родня на этом маленьком шарике в затерянном уголке Мироздания. И человек, и мышь, и слон имеют 96% общих генов. Гора и камень, песок и лёсс состоят из тех же элементов, что и тело человеческое. Зачем же мы разрушаем горы, качаем нефть из недр земных и убиваем животных?

«С каждой избою и тучею, с громом готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь.»

Воистину, поэтам Господь даёт больше, чем нам - простым людям.

Много позже, основательно занявшись изучением Библии, я прочитал в книге притчей Соломоновых поразившие меня слова:

«Я (мудрость) родилась, когда ещё не существовало бездны. Когда ещё не было источников, обильных водою.

Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда ещё Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной.» (Притчи 8, 24-26)

Прочитал я про «начальные пылинки вселенной» и вспомнил пылинки-хондры в найденном лаборанткой Леной метеорите и вспомнил себя, «ушибленного на голову», лежащего под слоем песка и глины и одновременно «распавшегося» на мелкие частицы.

Зачем мы убиваем братьев наших меньших? «Мы одной крови, ты и я.» Правильно ли я поступил, выбрав себе профессией ремесло охотника-рыбака?

По прибытии на рыбозавод, я оформился по-настоящему. Подписал договор на два года. Получил, наконец, карабин и патроны, капканы и сети, и план-задание по пушнине. Год по прогнозам был хороший, но мне, как новичку, определили план всего в пятьдесят шкурок песца. Это мало. План охотнику устанавливали в зависимости от расположения охотучастка, его величины и количества ловушек на нём. Обычный план в хороший год был в пределах 100-150 шкурок. А были охотники сдававшие и по 600-800!

Лишь одно, но весьма жёсткое условие поставил мне директор рыбозавода: обзавестись техникой или собачьей упряжкой. Времена пеших охотников давно прошли.

Я задумался. И тут подвернулся охотник Иван Демидов, работавший раньше механиком у геологов. Он согласился продать мне списанный, а потом отремонтированный, вездеход ГАЗ-47 всего за 500 рублей, половину из которых я выплатил вперёд, а половину обязался отдать в конце сезона.

Списанными и восстановленными вездеходами и даже тракторами пользовались многие охотники.

Иван так объяснил мне преимущества вездехода:

- Во-первах, ты в тёплой кабине, а не сопли морозишь. Во-вторах, ни пурга тебе, ни «босой...». В-третях - кумулятор. Прокинул провода - и свет в избе, и не надо керосиновой копотью дышать!

Ещё Демидов дал мне стеклянную банку с плотно притёртой пробкой. В банке просматривался зеленоватый порошок.

- Держи, пригодится!

- Что это?

- Крысий яд. От волков. А то всю работу спортят.

- Мне говорили, что фторацетат бария...

- Не бери никакую барию-берию! Яд страшной. Щё сам отрависси. Таки случаи бывали у нас...

- Да не брал я.

- Вот и добро. А крысий возьми. Потом спасибо скажешь. В длинну ночь волк идёт на путик, приваду сожират, песца рвёт на клочья. До одного ничтожит. Ничё не заработаш!

- Да разве волки дохнут от крысиного яда?

- Нет.

- Так зачем же ...

- А он сожрёт, сблюёт – и всё! Запомнил. Вся стая уходит!

Я взял несколько уроков езды на вездеходе у этого доброго человека, договорился с капитаном корабля, уходившим в сторону бухты Тикси, и уже десятого сентября вернулся на «свой» остров в новом качестве.

Впрочем, я не долго радовался приобретению. Через несколько дней вездеход сломался. Двигатель сначала тонко запел-застучал, а потом зазвенел. На малой скорости я всё же дополз до избы и тут услышал удар внутри мотора и вездеход встал.

При осмотре оказалось, что шатун поршня пробил корпус двигателя и торчит наружу. «Двигун кулак показал», - говорят механики.

Я понимал, что сам виноват, что сам испортил двигатель неумелой ездой, рывками и перегазовками на больших оборотах, но всё же очень огорчился. Идею наладить дальние путики пришлось отложить, как и мечту подтащить к избе побольше дров, чтоб надолго хватило.

Но постепенно я успокоился. Песца в тундре было как грязи, утки да гуси-лебеди налетали тучами, частенько прямо к избе подходили олени, я убил двоих. Насушил и накоптил мяса, а тюленей стрелять и вовсе перестал: привады хватало.

Был уверен, что и пешком сделаю план. Так оно и оказалось.

Лишь потом я понял, что мог бы с меньшими усилиями взять гораздо больше песца. В первый год просто опыта не было, а его ничем не заменишь, нажить надо.

7. Опасные места, кристаллы и золото

Итак, вездеход я утратил.

Но оставалась деревянная моторная лодка, подарок земляка.

Гребной вал мотора проходил сквозь днище. В месте стыка, несмотря на все мои конопатки, всегда подтекало, приходилось то и дело на ходу вычерпывать воду, а после плавания снимать магнето и сушить его на печи, иначе мотор не заведётся, хоть ты тресни!

Я решил посмотреть обозначенные Котляровым на карте «опасные места». Полярная ночь впереди, надо знать, где уши топориком ставить, где «кондрат» притаился, а где и расслабуха сойдёт.

Первым делом я осмотрел «медвежий роддом». Ничего особенного. Ни даже намёка на что-либо необычное. Просто скалы тут стоят или под острым углом к морю, или образуют выемки-козырьки. Шелоник, западный ветер, заносит эти берега, образуя многометровые сугробы. Во время пурги беременные медведицы «берут под козырёк» и их «задувает». Они обтаптываются, уминают снег, выбрасывают лишнее наружу, пока не получится приличных размеров снежная пещера с отхожим местом в дальнем её конце.

В этой пещере, по словам людей бывалых, медведица в декабре, в самое тёмное время полярной ночи, рождает детёныша. В первый раз - одного. В последующие разы - двоих.

Новорождённый медвежонок чрезвычайно мал, не больше рукавицы, но уже к марту-апрелю вырастает до размеров крупной кошки и тогда медведица покидает берлогу.

Забегая вперёд скажу, что в марте следующего года я обнаружил в этих местах две отдушины, (значит, только две медведицы занимали «роддом» в том году) несколько раз пытался подойти поближе с фотоаппаратом «Зенит», но успеха не имел: медвежьи мамаши непременно обнаруживали меня по скрипу снега, хоть я и подвязывал под подошвы оленью шкуру, высовывали головы из отдушин и что есть силы шипели.

Что тут делать? Уходил. Пришлось бы стрелять, если бы какая выскочила...

Но однажды, я вместе с лыжами провалился в какую-то яму, сразу ничего не понял,

решил, что мне повезло: ни лыжи, ни ноги не сломал. Было это километров за двенадцать от «роддома» с наветренной стороны острова, где никаких берлог, по моим представлениям, и быть не могло.

Наклонившись расстегнуть крепления, я чуть не влез рукой в ещё дымящийся медвежий помёт. И запаниковал.

Но хозяйки уже не было в снежной квартире. Она проломила крышу рядом и высочила с медвежонком в пасти в тот самый момент, когда я с шумом и грохотом проваливался вниз.

Струхнула не меньше моего.

Испугаешься тут...

Но про дитя своего не забыла!

На лодке этой я объездил все берега острова и противолежащего материка. Выходил в море даже в небольшое, до трёх баллов, волнение. Волна на море просторная, расстояния между гребнями длинные, успеваешь угадать, где запузырится следующий опасный «барашек», отвести нос лодки в сторону и скатиться по волне как в долину – «только небо и море вокруг!»

Сначала я поехал туда, где на карте было написано: «Зыбко. После ветру не ставать». Эту надпись я перевёл на русский так: «грунт после шторма ненадёжный, не причаливать!»

Но я, конечно же причалил, и как раз после средненького штормяги. Вышел из лодки и тут же ноги по колено ушли в вязкую синюю глину и пошли-пошли глубже! По счастью, я не выпустил чалку и смог подтянуть лодку к себе. Навалился на нос лодки и, раскачиваясь всем телом, смог постепенно вытянуть ноги из грунта. Но теперь присосало днище лодки!

Хорошо, корма оставалась на воде, и я враскачку и помогая вёслами, вырвал лодку из синего плена.

Всё это продолжалось не более десяти минут, но взмок я как боксёр на ринге.

Следующее опасное место называлось «Пустоледье. Не ходить, не ездить!»

Но я поехал. Тем более, что минусовых температур ещё не было, а выпавший недавно снег растаял.

Что такое «пустоледье», я ещё не знал. Этим непонятным словом и овальным кружком на карте было обозначено интересное место на материке неподалёку от северно-восточной части острова: две тундровые речки впадали здесь в озеро, и в полукилометре от моря вытекали из него уже общим устьем. Я давно туда собирался, проверить речку на рыбу и осмотреть берега.

Вытянув лодку за линию прибоя и хорошенько её заякорив, я отправился осматривать незнакомое место. Почти сразу же увидел выгнутое полукругом бревно на берегу озера у самой воды. Такие «брёвна» мне приходилось видеть на мысе Лаптева, геологи привозили. Так выглядит бивень мамонта. Последние из этих мохнатых слонов вымерли, как утверждали геологи, около десяти тысяч лет назад, а крупные кости и бивни до сих пор попадаются в тундре.

Бивень этот был большой, тяжёлый и весь в трещинах – сильно попорчен водой, морозом и временем. Я всё же вытащил его из песка и отволок в сторону на высокое место, но поднять на плечо и отнести в лодку не смог. Весил он, наверное, килограммов сто двадцать.

Да и зачем на зимовке эта старая гнутая кость?

Я пошёл дальше берегом правой речушки и вскоре увидел палатку. Старый выбеленный солнцем брезент резко выделялся на бурой тундре, незастёгнутый край полога шевелился на ветру.

Подле палатки было кострище с остатками некогда крупных палок. Некто не поленился принести дрова с берега, в тундре и щепочки не найдёшь.

В стороне от кострища – кайло и две лопаты, штыковая и совковая, с такими же выбеленными временем черенками. Не охотничье становище, отметил я про себя: два предмета лишние. Охотнику для ремонта путиков нужна лишь штыковая лопата. Очевидно, это всё здесь геологи бросили.

И тут я заметил странный деревянный ковшик не ковшик, чашку не чашку, а вроде как глубокую прямоугольную миску. Потрогал предмет стволом карабина, взял в руки,

осмотрел. И догадался: лоток для промывки золотоносного песка!

Здесь «рыжик» искали!

Почему же тогда так внезапно всё бросили?

Я обошёл палатку кругом и внимательно всё осмотрел. Растяжки были крепко натянуты на глубоко вбитые колья: ни одна не прослабла за годы, ни один кол не выдернул бешеный шелоник.

Так надёжно закрепить палатку можно не раньше конца июля - начала августа, когда мерзлота оттаивает на свои законные полметра.

Нижний угол правой стороны брезентовой крыши был попорчен: там виднелся ряд кучно расположенных отверстий, будто моль проела.

Незастёгнутый край палатки всё так же шевелился на ветру. Я поднял обе половинки полога, закрепил их на крыше и заглянул внутрь.

Рыбацкие сапоги-болотники с потресканной резиной... А дальше - какое-то тряпьё и кости. Тонкие кости и желтоватый шар.

Уже догадываясь, что передо мной, я качнул шар палкой от костра.

Человеческий череп...

И в нём те же круглые отверстия!

Я опустил полог и отошёл. Сердце так и забилось.

Этого человека застрелили!

Во сне.

Снаружи.

Картечь...

Вернувшись к лодке, я увидел, что «неспокойно синее море». Крупные «беляки» гуляли

до горизонта. Чайки метались над берегом. Низко и мрачно висели облака.

Шелоник.

Дня на два.

Переждать.

Я нашёл закуток-затишок и собрал плавник для костра. Спускаясь к речке за водой, увидел как вскинулся хвост крупной рыбины.

Ну-ка, ну-ка! Поставить сеть!

Вбивать в берег кол, для привязки сети, не потребовалось: он был уже вбит. Кто-то уже рыбачил здесь. Но, снимая снасти, не отвязал, а обрезал тетиву. Растрёпанное ветром, болталось на колу куцее охвостье пеньковой бечевы.

Некто торопился. Не тот ли это, кто застрелил напарника своего, а потом спешил убежать подальше от страшного места?

Сеть я поставил на мелком, защищённом от ветра заливчике. Все двенадцать наплавов (так называются на рыбацком жаргоне поплавки сетей) вытянулись в ровную строчку, а я занялся костром.

Часа два я провозился, «растягивая» костёр и прогревая песок для ночлега и, занятый мыслями о жуткой находке, совсем забыл о сети.

А когда глянул на воду, обомлел. У берега нервно подрагивал на воде единственный наплав. Остальные исчезли.

Я прыгнул в лодку, в два гребка достиг сети, ухватился за тетиву и глянул вдоль. Сеть опустилась на дно. Контуры крупных рыбин виднелись на глубине.

Семь пятнистых гольцов, каждый килограмма на три-четыре, затрепыхались в лодке. Четыре из них были с икрой и я несказанно обрадовался удаче.

Нашёл!Нашёл рыбное место!

Пусть не весь сезон, пусть лишь осенью, во время нереста ловится здесь рыба, но это уже приварок к столу и добавка к зарплате!

Тем временем ветер развернулся на полрумба к северу и мой закуток-затишок стало насквозь продувать: ни заснуть, ни отдохнуть. Я стал собирать камни на берегу и складывать ветрозащитную стенку, стыки же просто замазывал грязью и затыкал мохом. Когда «ухватистые» камни на берегу закончились, я стал обухом топора отбивать камни от покрытой глубокими трещинами чёрной скалы на берегу и сразу же увидел на сколах темно-красные полупрозрачные восьмигранники.

Кристаллы были большими, до двух-трёх сантиметров в диаметре, сидели одиночно и целыми гнёздами - друзами и чрезвычайно красиво выглядели. И было их много: почти в каждом отбитом мной от скалы куске шиферного сланца были и кристаллы.

Какое-то нездоровое чувство сродни жадности овладело мной. За пару часов я набил целую гору камней с кристаллами. А потом стал осторожно отколупывать восьмигранники от материнской породы. И тут же понял, что делать этого не стоит: в одиночку кристаллы не смотрелись, к тому же «нога», место прикрепления к породе, разрушалась от моих неумелых попыток и кристалл портился .Я уложил в лодку несколько небольших кусков породы с самыми крупными кристаллами, а остальные сложил кучкой на берегу. Потом приеду и наберу хоть вагон. Если это ценные гранаты – то вот и разбогател!

Но жизнь сложилась так, что вернуться на это место больше не пришлось, одиночные кристаллы я постепенно растерял, а куски с породой раздарил друзьям и начальству. Золотом я тоже не стал заниматься. Нет у меня тяги к этому металлу. Да и наказ Ивана Демидова запомнил: «Рыжик не трожь, на то начальство свою толпу дёржит. Узнают – враг станешь. Застучат в ментовку, а то и это... И вообче знай: где рыжуха, там кровь. А надо оно тебе?»

Лишь однажды, увидев на кварцевом валуне нити жёлтого металла, я согнал ножом стружку с самой толстой жилки и долго хранил это колечко как память. Но потом, из-за кочевой жизни и многократных переездов из одного общежития в другое, потерялось и оно.

Впоследствии я узнал, что золотом и камнями занимались специальные люди по два-три человека в «связке», которых забрасывали на «ловкие места» в тундру вертолётами с оружием и рациями, и замешаны в этом были преступные авторитеты из краевого центра и столицы, для которых человеческая жизнь ничего не стоит.

Итак, я уложил в лодку камни с друзами кристаллов на них и на другой день, уже по

тихому морю, поехал осматривать окрестности мыса Свиридова. Было ясно и холодно, вокруг солнца стояло жёлтое гало, признак вторжения арктических масс воздуха с Ледовитого. Значит, похолодает ещё больше и море замёрзнет.

Надо было спешить домой, но очень уж хотелось осмотреть знаменитый мыс, на котором в тридцатых годах построили большую, в две капитальных избы, рыбацкую «точку», но потом, из-за нерыбности этих мест, всё бросили.

На мысе Свиридова я причалил к берегу в месте, где вода была странного взбаламученно-желтого цвета. Подтягивая лодку повыше на берег, я опять чуть не застрял в текучей глине. Глянув повыше, сообразил и откуда эта глина взялась. Удары штормовой волны разрушили часть берега и белесый древний лёсс широким языком стекал в воду. Пока он не улежится-уплотнится, причаливать в таком месте опасно. Об этом говорили рыбаки, да и сам я убедился. Но уж очень спешил быстро осмотреть место и бежать домой, пока море морозом не прихватило.

И чуть не погиб...

Пока я осматривал обе избы, окрестности вокруг и чёрные камни, (и здесь были кристаллы альмандина) начался прилив и чуть не затопил лодку. Недоумевая, почему лодка не качается на волне, я поспешил к берегу и тут понял: щелястое, пористое днище старой лодки присосалось ко грунту, надо спасать-отрывать, иначе куковать мне на этом берегу, пока не установится надёжный ледяной покров. Но подойти к лодке не удалось: ноги моментально вязли в липкой глине. Я стал собирать камни и выкладывать из них дорожку, но и они тонули лишь стоило наступить! Палкой я прощупал, насколько оттаяла мерзлота и пришёл в уныние: до твёрдого грунта было больше метра! Такой объём вовек камнями не заполнить! Я стал собирать старые брёвна и доски и кое-как подобрался к лодке, но оторвать её намертво вросшее в жидкий лёсс днище так и не смог.

Тогда я нашёл очень короткий, и очень толстый обломок бревна, подкатил его под днище и, пользуясь длинным шестом как рычагом, стал помаленьку, чтоб не разломать борт моего хрупкого судёнышка, раскачивать лодку из стороны в сторону. Наконец, грунт с громким поцелуйным чмоком отпустил лодку и она, о радость, закачалась на волне!

Я тут же сделал лихой прыжок, но в лодку не попал. Ноги чиркнули по мокрому бревну и я соскользнул в воду. Тут же стал медленно погружаться в холодную грязь и, хотя

держался руками за борт, так что позвонки трещали, вытянуть себя не смог, лишь лодка опасно накренилась, грозя перевернуться и накрыть с головой. Ноги в резиновых болотных сапогах с поднятыми до паха голенищами тоже не удалось вытянуть. Их туго сжало со всех сторон, лишь чуть удавалось согнуть колени.

Так я и повис: руки на борту, ноги в грязи, и стал погружаться всё больше, пока, наконец, носки не упёрлись в твёрдое: мерзлота. Я погрузился почти до подмышек, уже и дыхание стало даваться с трудом. И запаниковал: стоило отпустить руки, - а долго держаться невозможно, – борт лодки выпрямится и, не имея опоры, я захлебнусь в жидкой грязи.

И я стал молиться. Стал кричать, уж каким не знаю, голосом: «Господи! Ты, который на небе! Помоги мне, грешнику! Не дай погибнуть во цвете лет! Верни способность здраво рассуждать!»

И успокоился.

И сообразил, что надо расстегнуть брючный ремень и выскользнуть из ставших тяжким комбинезоном штанов-сапог, как змея выскальзывает из собственной кожи.

Это мне удалось. Трусы тоже захотели вслед за штанами в грязь, но я всё же поддёрнул их повыше и, мокрый как мышь, воздал славу Всевышнему, уселся за вёсла и развернул лодку носом к морю. По гиблому месту расходились пузыри. Очевидно, и Нептун и Царь Лёсса были недовольны пустой жертвой. И я был недоволен. Сапожки-то почти новенькие, да и штаны жалко всё же...

Мотор завёлся сразу, как ждал, и хотя работал с перебоями, но окончательно «крякнул» уже недалеко от родного берега. Это расстояние я прошёл на вёслах по ниласу, молодому льду, а наутро залив стал.

Зима!

О зиме и трёхмесячной ночи в другой раз, однако.

В. Эйснер

2009 г.